

ДИН ДЖОББ

ДЖЕНТАЛЬМЕН И ВОР

ИДЕАЛЬНЫЕ
КРАЖИ
ДРАГОЦЕННОСТЕЙ
В ВЕК ДЖАЗА

18+

Документальный fiction

Дин Джобб

**Джентльмен и вор: идеальные
кражи драгоценностей в век джаза**

«Азбука»

2024

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Джобб Д.

Джентльмен и вор: идеальные кражи драгоценностей в век джаза /
Д. Джобб — «Азбука», 2024 — (Документальный fiction)

ISBN 978-5-389-30539-7

Захватывающий криминальный роман эпохи джаза об Артуре Бэрри, «величайшем воре драгоценностей, который когда-либо жил» (журнал Life). Он очаровал всех, от Рокфеллеров до членов королевской семьи, планируя и осуществляя самые дерзкие и прибыльные ограбления 1920-х годов. За семь лет Принц воров украл бриллиантов, жемчуга и драгоценных камней на общую сумму почти 60 миллионов долларов. Безупречно элегантный, невероятно обходительный, с изысканными манерами, он нравился всем, а ему нравились лишь драгоценности. А еще это история любви. Единственной любви на всю жизнь. Бэрри признался в десятках краж со взломом (и был главным подозреваемым во множестве других), чтобы защитить свою жену, Анну Блейк. Приговоренный к большому сроку, он организовал побег из тюрьмы, когда Анна серьезно заболела, чтобы они могли провести вместе еще несколько лет, пусть это стоило ему семнадцати лет нового заключения. «Поймай меня, если сможешь», «Великий Гэтсби» и «Люпен» словно сошлись в этой завораживающей истории о неотразимом преступнике. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-30539-7

© Джобб Д., 2024

© Азбука, 2024

Содержание

Несколько слов к читателю	7
Пролог. Принц Обаяние	8
I. «Роскошная жизнь»	13
Глава 1. Курьер	13
Глава 2. «Профессионал»	18
Глава 3. Санитар	23
Глава 4. Долгая вахта	29
II. Вор с лестницей	32
Глава 5. «Работник второго этажа»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дин Джобб
Джентльмен и вор: идеальные
кражи драгоценностей в век джаза

Dean Jobb

A GENTLEMAN AND A THIEF: THE DARING JEWEL HEISTS OF A JAZZ AGE

Перевод с английского Глеба Григорьева

© Dean Jobb, 2024

This edition published by arrangement with Algonquin Books, an imprint of Workman Publishing Co., Inc., a subsidiary of Hachette Book Group, Inc. New York, New York, USA via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia). All rights reserved

© Григорьев Г. Л., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
КоЛибри®

* * *

Несколько слов к читателю

Многие преступления Артура Бэрри настолько дерзкие, что выглядят литературной выдумкой, но все именно так и было. Приведенные здесь цитаты взяты из газетных статей, из интервью Бэрри разных лет, из судебных протоколов и тюремных отчетов, из воспоминаний о 1920-х годах и из архивных документов, найденных в самых неожиданных местах, от штата Вайоминг до британского Саутгемптона. Ни одна цитата не изменена. Ничего не добавлено и не приукрашено. Все события изложены именно так, как они происходили. Сталкиваясь с противоречиями в источниках, я выбирал свидетельства того времени, а не позднейшие воспоминания Бэрри и других людей. Ведь один из главных элементов криминальной документалистики – истина.

Пролог. Принц Обаяние

Лонг-Айленд и Манхэттен. 1924

Человек в смокинге и накрахмаленной белой рубашке проплыл мимо мужчин в черных костюмах и элегантных женщин в парижских платьях и сияющих драгоценностях и остановился у компании, окружавшей чашу с пуншем. Кто-то протянул новому гостю бокал, настала пора знакомиться, и он представился: Гибсон. Доктор Гибсон. Густые черные волосы, синие глаза, точеный профиль красавца вроде тех кинозвезд, на кого с обожанием смотрели – тогда еще не слыша – толпы поклонниц. Некоторые, должно быть, задержали на нем взгляд дольше обычного – это же вылитый Рональд Колман, английский актер, ракетой влетевший в Голливуд после успеха «Белой сестры», его дуэта с легендой немого кино Лиллиан Гиш.

Один из стоявших у пунша – рыжеволосый, невысокий, худощавый, с мальчишеским лицом и застенчиво склоненной головой – в специальном представлении не нуждался. Любому американцу, открывшему в последние дни хоть одну газету, был прекрасно знаком этот пощечиями трогательный взгляд. Гибсон, чей интерес к светским новостям можно сравнить с дотошностью старателя, узнал его еще до того, как вошел в комнату. Уже неделю вся пресса трубила об американском вояже Эдварда, принца Уэльского. Подустав от монархических обязанностей, наследник британского престола направил стопы на «изящный по форме и славный буйным весельем остров, протянувшийся к востоку от Нью-Йорка» – как назовет Лонг-Айленд Фрэнсис Скотт Фицджеральд в еще не изданном на тот момент «Великом Гэтсби».

Визит августейшей особы в сентябре 1924 года совпал с аномальной жарой. Принц был желанным гостем местной элиты – ужины, танцы, коктейли в импозантных особняках, езда верхом, поло на ухоженных лужайках. Он скользил под парусом по волнам пролива Лонг-Айленд. Играл в гольф, плавал в бассейнах. Для него даже устроили охоту на лис с чуть ли не сотней гончих – лишь бы он чувствовал себя как дома. «В истории нашего города, – гласила колонка в утренней газете “Нью-Йорк америкен”, – вряд ли прежде случалось, чтобы гостю с дальних берегов воздавали почести столь навязчиво и в столь экстравагантной манере».

Глава «Стандарт ойл» Гарольд Ирвинг Пратт с женой Гарриет закатали для принца грандиозный пикник с парой сотен гостей в Уэлвине, своем сельском поместье, – оно смотрело на пролив и считалось «достопримечательностью Лонг-Айленда». Их тут же перешеголял финансист Кларенс Маккей, владелец крупного горнодобывающего бизнеса. Ужин с танцами и без малого тысяча видных особ в Харбор-Хилл – копии французского замка на двухстах пятидесяти гектарах. Целый взвод рабочих днями напролет завозил туда апельсиновые деревья в горшках, развешивал гирлянды с желтыми лампочками, превращал площадку для пикника в «сказочное пространство у замка», где самое место принцу. «Королевский праздник для представителя короны!» – восхищалась вашингтонская «Ивнинг Стар».

«А мы чем хуже?» – подумал металлург Джеймс Аберкомби Берден и вручил принцу ключи от Вудсайда, своего георгианского имения неподалеку от Сайосета, с виду неотличимого от аристократических домов сельской Англии – как будто его взяли и бережно перенесли в Америку. Одна нью-йоркская газета окрестила его «Берден-Палас». Хозяева предоставили в полное распоряжение принца и его свиты весь свой парк машин, включая пять пучеглазых лимузинов «роллс-ройс» с хромированными решетками.

Но главной приманкой для принца стал Сидарс в Сэндс-Пойнте, усадьба нефтяного магната из Оклахомы Джошуа Косдена и его жены Нелли. Здание в колониальном стиле, просторное и изящное, украшенное колоннами, с верандами, террасами и мансардными окнами

в двухскатной остроконечной крыше, возвышалось над белопесчаным пляжем. Его хозяева дали принцу то, чего не могли предложить ни Бердены, ни Пратты и никто на Лонг-Айленде – знакомые лица. В Сидарсе тогда гостили его кузен, лорд Луис Маунтбаттен, с супругой, леди Эдвиной, а также его близкая приятельница Джин Нортон, жена будущего лорда Грантли.

В начале сентября Косдены закатали вечеринку, и принц со свитой, оседлав один из лимузинов Бердена, отправился на эту «камерную, но оживленную встречу друзей», как отозвалась о ней пресса. Именно там Гибсон и познакомился с принцем. И там же, вращаясь среди гостей, он положил глаз на Маунтбаттенов – по его словам, «смуглого красавца-офицера ВМС» и «очаровательную леди Маунтбаттен, жемчужину мирового светского общества».

Вечеринка выдалась негромкой, на ней царила атмосфера расслабленности – то, чего принцу так не хватало с самого приезда. Настоящий отдых, а не официальные мероприятия, в одном из которых ему все же пришлось на Лонг-Айленде поучаствовать – болеть за команду своей страны на международном чемпионате по поло. Эдвард ездил по миру в качестве британского посла доброй воли – разрезал ленточки, произносил речи и жал руки ради укрепления сложившихся во время войны союзов или поддержки торговых проектов. Принцу требовалось хоть немного перевести дух. «Он здесь, чтобы развлечься, – напомнил один из помощников принца, Томми Ласселз, репортерам и фотографам, которые фиксировали каждый его шаг. – Его королевское высочество имеет право посвятить какое-то время себе».

Принц стал первым в череде персон, составивших новую реалию двадцатого века, – «звезда королевских кровей». И его возмущению не было предела, когда он обнаружил, насколько американские журналисты агрессивнее и беспардоннее своих британских коллег. «Эти газетчики-янки просто сволочи! – раздосадованно пожаловался он личному секретарю в не подобающих царственной особе выражениях. – Их чертов шпионаж возмутителен!» Самому завидному холостяку на планете стукнуло в июне тридцать, и вся американская пресса буквально свихнулась на идее, что «принц Обаяние» прибыл на их берега в поисках невесты. «Если влюбиться в американку, сможете взять ее в жены?» – сразу же полетел ему вопрос от нью-йоркских репортеров на трапе лайнера «Беренгария». А кандидаток была масса – все жаждали познакомиться с ним или хотя бы привлечь внимание. «ЦЕЛАЯ АРМИЯ ПРЕКРАСНЫХ ДАМ МЕЧТАЕТ ОБ УЛЫБКЕ ПРИНЦА», – вопил заголовок в «Дейли Ньюс». Сотни женщин, «позабыв о приличиях», как выразился один из журналистов, с ногами взгромоздились на сиденья ипподрома Бельмонт-Парк, лишь бы хоть мельком увидеть его высочество в будке судей.

В тот момент, когда Гибсон заметил принца у Косденов, внимание почетного гостя было монополизировано немолодой дамой, несомненно, расхваливающей красоту и добродетели своей дочери или племянницы. Принц учтиво слушал, стоя в элегантной позе: коктейль в правой руке, согнутая левая – за спиной. Но не эта леди заинтересовала Гибсона, который увлеченно разглядывал драгоценности на шеях, запястьях и пальцах многочисленных гостей. «Я очень хорошо во всем этом разбираюсь, – признавался он, – и не мог не восхищаться их украшениями». На долгие годы останется в его памяти увиденная тем вечером древняя китайская золотая вещьца ручной ковки с крупным бриллиантом.

Кто-то из свиты принца предложил «сбежать от этих женщин» хотя бы ненадолго. Гибсон тут же вмешался в разговор, намекнув на «вылазку в места повеселее» – мол, можно съездить на Манхэттен и «посмотреть город», а сам он выступил бы гидом.

Некоторые стали возражать, и идею отвергли. Однако принц все же не желал упустить случай отведать ночной жизни Нью-Йорка. «Уэльскому свойственна спонтанность, он поступает так, как хочет и когда хочет, – отмечал один из журналистов, освещавших визит. – Это – одна из составляющих его обаяния». Принц отвел нового знакомого в сторону. Раз в кои-то веки за ним по пятам не гнались назойливые репортеры. Вот он – шанс увидеть Нью-Йорк глазами туриста, а не будущего короля.

– Ваша маленькая затея еще в силе, доктор Гибсон? – спросил он.

* * *

– Привет, паршивцы! – Это приветствие, летевшее сквозь дым и гул голосов из уст яркой, но грубоватой синеглазой блондинки, было первым, что слышали почти все клиенты, поднимаясь по ступенькам в один из самых знаменитых подпольных клубов в городе. Надпись на козырьке над входом на Западной 45-й улице гласила «Клуб “Эль Фэй”», но в Нью-Йорке все называли его «заведением Тексас Гуинан». Мэри Луиза Сесилия Гуинан раньше играла в кино и водевилях, взяв себе имя по месту рождения. Она снялась в «Женщине с пистолетом», «Кодексе Запада», «Дикой кошке» и десятках прочих вестернов, но решила начать новую жизнь в качестве менеджера ночного клуба.

В заведение, открытое всего несколько месяцев назад, Гуинан позвал хозяин, бутлегер Ларри Фэй. Она нанимала музыкантов, танцовщиц, вела конференс на местных шоу и по-свойски приветствовала гостей своей фирменной фразой. «Впечатляющая женщина», – вынес вердикт журналист-критик Эдмунд Уилсон. «Жемчуга, пышная, ослепительная грудь, густые, очаровательно желтые крашенные волосы, крепкий капкан сияющих белизной зубов». Она принадлежала к тому же пикантному типу, что и Мэй Уэст¹, и правила в своем царстве, как вспоминал один заглянувший в «Эль Фэй» журналист, «напоминая красавицу-дрессировщицу, только что шагнувшую в огромную клетку с тиграми».

В узком прокуренном помещении клуба могло поместиться сотни две человек, не меньше, но на его крошечной танцевальной площадке даже пять-шесть пар толкались, как сардины в банке. Привлеченные джазовым ансамблем и присутствием «той самой» Гуинан, туда навевались разные знаменитости вроде актера Эла Джолсона, боксера Джека Дэмпси или – как в тот вечер – будущего короля Англии. Гуинан, не чуждая беззастенчивой саморекламы, потом всем хвасталась, как однажды обслуживала самого известного на свете принца, «невысокого парня, у которого никогда не было ни заднего двора, ни чумазой мордашки».

Кое-кто из свиты поддался на уговоры принца и примкнул к вылазке. Путь лежал на Бродвей. «Великий белый путь», как называют его в Нью-Йорке, «Пояс белого света» или просто «Большая улица». Район развлечений, известный как «Ревущие сороковые»², в эпицентре которых стоял «Эль Фэй», – сетка из авеню и поперечных улиц, напичканная ресторанами, ночными клубами и варьете. Именно здесь «в самые развеселые часы», писала «Дейли Ньюс», «собирался весь свет Нью-Йорка, весь городской мир театра, кино и капитала». Алкоголь лился рекой, словно о сухом законе тут никто слухом не слыхивал. Чтобы обвести вокруг пальца федеральных агентов во время периодических рейдов, спиртное хранили в соседнем здании, откуда бутылки по мере необходимости передавали в «Эль Фэй» через дыру, которую, если нагрянут, сразу затыкали кирпичом.

Клуб славился молоденькими полуголыми танцовщицами – в перерыве между номерами они сновали среди гостей-мужчин. «Это была вакханалия, древнеримская оргия и тусовка политиков в одном флаконе», – позднее вспоминал друг Гуинан, театральный продюсер и публицист Нильс Гранлунд. Один газетный иллюстратор потом изобразит, как принц с Гибсоном сидят за столиком и поднимают тост за стайку короткостриженных девушек в открытых платьях, на одной из них – цилиндр, снятый, вероятно, с венценосной головы. Подпись: «Августейшие развлечения».

¹ Мэй Уэст (1893–1980) – бродвейская актриса, певица, секс-символ и драматург, автор смелых по тем временам пьес, исполнительница главных ролей в их постановках. (Здесь и далее прим. пер.)

² Часть Бродвея в районе сороковых улиц.

В «Эль Фэй» и прочих пунктах остановки, расскажет доктор Гибсон, к принцу его спутники обращались «мистер Виндзор», словно тот – «высокопоставленный член британского дипломатического корпуса». Той же уловкой пользовался и провожатый принца (на самом деле ни доктор, ни Гибсон).

Из «Эль Фэй» они переместились на Восточную 49-ю, в клуб «Довиль», который Гибсон откомендовал «шикарным местечком». «Атмосфера тайны», как писала пресса, притягивала туда «многих видных членов общества». Музыканты тамошнего оркестра «Гавайцы Кларка» перемещались от столика к столику, собирая заказы, а затем исполняли гавайские мелодии. В тот вечер дела в клубе шли вяло, там сидело всего несколько посетителей, какая-то пара танцевала фокстрот. Кто-то протянул принцу цветочную гирлянду, и он повесил ее на шею. Принц похвалил чистый тенор одного из певцов и заказал свою любимую гавайскую песню Aloha 'Oe («Прощай-прости!»), которая в тот год не выходила из чартов. Гибсон уселся рядом с принцем, и они принялись болтать о том о сем: о бродвейских постановках, шлягерах, о том, что из-за сухого закона стало проблемой найти приличные напитки даже в славном своими кутежами Нью-Йорке. Гибсон угощался шампанским, подметив про себя, что принц пьет еле-еле.

Третьей остановкой стал клуб «Флорида» на Западной 55-й, где посреди зала стояло пианино, и прибывшая группа остановилась там насладиться концертом из популярных мелодий.

Эти двое спелись. Почти ровесники, оба не женаты, оба прошли войну: Гибсон – в медчасти американской армии, принц – в Гвардейском гренадерском полку, где он спускался во фронтовые окопы, дабы поднять боевой дух. Аристократический акцент Гибсона скрывал его пролетарские корни, уходившие в Вустер, Массачусетс. Он непринужденно сыпал громкими именами и, казалось, знаком со всеми богатыми и знаменитыми особами. Остроумие, шарм, безупречные манеры выдавали в нем образованного, воспитанного члена состоятельной и важной семьи. А закреплял этот образ смокинг – рабочая одежда его профессии. Для ночной операции в имении Косденов он «оделся с иголочки, – вспоминала его будущая жена Анна Блейк, – в вечерний костюм. Он всегда выглядел в нем очень представительным».

В полшестого утра, когда до рассвета оставалось уже меньше часа, Гибсон попрощался, поймал такси и отправился домой, в квартиру здесь же на Манхэттене. Принц с компаньонами набились в свою машину – чтобы вернуться в имение Бердонов, им предстояло проехать тридцать пять миль.

Вскоре весь город судачил об августейшей экскурсии по ночному Манхэттену. Один репортер заметил подозрительно шикарную машину рядом с заведением Тексас Гуинан. Он проверил номера и обнаружил, что авто принадлежит хозяину имения, где остановился принц. «Он явился инкогнито в джазовый клуб на Белом пути, – сообщалось в одной из заметок. – Инстинкт безошибочно вел его к удовольствиям ночной жизни Нью-Йорка с ее манящими мерцающими огнями и обаятельными персонажами».

* * *

Будущему королю удалось урвать пару мимолетных часов свободы, притворившись «мистером Виндзором». Ему и в голову не могло прийти, что его провожатый тоже не тот, за кого себя выдает.

Гибсона не было в списке гостей на приеме у Косденов. Прежде чем попасть в дом и познакомиться с принцем, он, миновав каменную сторожку у въезда в Сидарс, припарковал красный двухместный «кадиллак» в укромном закутке на краю усадьбы и засел – в своем смокинге – за кустами. Дождавшись удобного случая, Гибсон вылез из укрытия – «при полном параде, не хуже любого из присутствующих», как он позднее хвастался, – и влился в группу

гостей, вышедших на кирпичную террасу поболтать за бокалом-другим. Затем взял коктейль с проплывающего мимо подноса и присоединился к разговорам.

Вскоре он скользнул в ночную темноту и не спеша пошел вдоль стены дома, пока не увидел подходящее местечко. По шпалере с розами он забрался на крышу крыльца и в окно второго этажа, оставленное открытым по случаю теплого вечера, – залез внутрь, подтянувшись на карнизе.

Помня об отпечатках пальцев, он натянул белые шелковые перчатки и, крадучись, принялся обследовать спальни. Осмотрел туалетные столики и, стараясь быть беззвучным, проверил содержимое ящиков бюро. Снизу доносились приглушенные голоса и музыка. Если кто-нибудь поднимется и застигнет его в коридоре, он знает, как поступить – сделает вид, что забрел сюда в поисках туалета, или прикинется пьяным.

Никаких достойных украшений не обнаружилось. Все, что он рассчитывал найти, либо спрятано где-то под замком, либо в настоящий момент красуется на хозяевах. Гибсон вернулся к открытому окну и хотел уже было вылезти, как вдруг увидел собравшуюся у крыльца небольшую компанию. Официант подлил в их бокалы вина, и расходиться они, по всей видимости, не торопились. Оставался единственный путь. Он прошел по коридору до главной лестницы и направился вниз, в самую гущу вечеринки. На лестнице ему встретилась идущая вверх юная дама, она улыбнулась ему, и теперь он был уверен, что ничем не выделяется среди других гостей.

В реальности Гибсона звали Артур Бэрри, это был похититель драгоценностей, один из самых блестящих и удачливых в истории. Изобретательный мошенник, артистичный аферист, искусный вор-форточник. Все бриллианты, жемчуга, рубины, изумруды и прочие камешки, которые он прикарманил, орудуя в бурные двадцатые в элитных особняках Лонг-Айленда и округа Уэстчестер, сегодня стоили бы около 60 миллионов. Среди его жертв были банкиры и промышленники, крупные заправилы с Уолл-стрит, один из Рокфеллеров и наследница торговой сети «Вулворт»³. Бэрри слыл виртуозным «работником второго этажа» – он мог тихо проникнуть в спальню виллы, где порой тут же безмятежно почивали хозяева, и, оставшись незамеченным, выбраться наружу. Он запросто заводил знакомства среди знаменитостей и миллионеров, зондируя тем временем их особняки и планируя свои операции – некоторые из них считаются самыми дерзкими и масштабными по выручке кражами драгоценностей в истории века джаза⁴. Бэрри умел обвести вокруг пальца следователей, ускользнуть из-под носа вооруженных полицейских нарядов и частных сыщиков, а однажды организовал эффектный побег из тюрьмы ради воссоединения с возлюбленной. В прессе его прозвали «принцем воров» и «криминальным аристократом», а журнал «Лайф» объявил его «величайшим из всех когда-либо живших похитителей драгоценных камней».

Бэрри пригладил волосы, поправил «бабочку» и направился к чаше для пунша – ему предстояла ночная эскапада с принцем. Теперь он знаком с планировкой второго этажа особняка. И он еще вернется.

³ Крупная розничная сеть, где продавались мелкие товары по цене 5 и 10 центов. Прообраз современных дискаунтеров.

⁴ 20-е годы XX века в США.

I. «Роскошная жизнь»

*Если на то пошло, я не крал у людей, живущих впроголодь.
Кэри Грант в роли Джона Роби, фильм «Поймать вора» (1954)*

*Я обкрадывал только богачей. Если у женщины на шее ожерелье
за семьсот пятьдесят тысяч, она не думает, где раздобыть обед.
Артур Бэрри, 1932 год*

Глава 1. Курьер

Вустер, Массачусетс. 1896–1913

Мальчишка сидел в поезде, который, гроыхая и позвякивая, мчался на юг, в Нью-Хейвен. Он ехал один – кепка надвинута на глаза, большой черный чемодан зажат между колес. Тринадцатилетний Артур Бэрри был довольно крупным для своего возраста – плотное атлетическое сложение, рост – метр семьдесят восемь, и больше он уже не вырастет. Пассажиры, садившиеся с ним в вагон на вокзале промышленного города Вустер, Массачусетс, скорее всего, решили, что парень направляется в колледж. Никто даже представить не мог, что находится в чемодане, который он берег как зеницу ока.

Чемодан этот вместе с содержимым принадлежал Лоуэллу Джеку, отошедшему от дел взломщику сейфов – иначе говоря, «медвежатнику», – причем одному из лучших в своем ремесле. Он грабил банки и компании по всей Новой Англии – просверливал в дверцах сейфов отверстия, осторожно заливал туда нитроглицерин и взрывал замок. Он принадлежал к «опасному сословию»⁵, как выразилась газета «Беркшир Игл», поставив его в один ряд с самыми отъявленными ворами, называя их по родным городам: Толстяк Портлендский, Джонни Потакетский, Стройняшка Филадельфийский, – и отмечая, что «все они уже побывали в тюрьмах». Однако самые «опасные» дни Джека остались в прошлом. Он был уже слишком стар, чтобы проникать в помещения и взрывать сейфы, а тем более смыывать с добычей в зубах. Теперь он посвящал свое время поставке нитроглицерина новому поколению «медвежатников».

«Суп», как называли его взломщики, не отличался сложностью в изготовлении. На кухонной плите в ведре с водой Джек нагревал динамит, извлекая из него нитроглицерин в виде желтоватой маслянистой жидкости, которая течет по поверхности, как чернила. Это занятие было весьма рискованным. При слишком сильном нагреве нитроглицерин может взорваться. Кроме того, в жидком виде он чрезвычайно летуч. Если емкость с ним встряхнуть, ударить или уронить, взрыв будет смертельным. Джек аккуратно заливал жидкость в бутылку из толстого стекла и помещал ее в набитый хлопком чемодан, рассудив, что такая прокладка способна амортизировать возможные встряхивания или удары.

Доставка продукта взломщикам по всей Новой Англии, а то и в более удаленные штаты была непростой задачей. Джеку требовался надежный курьер – такой, чтобы ни проводникам, ни вокзальным кассирам, ни сующим всюду свой нос копам и в голову не могло прийти, что у него в чемодане – мощная взрывчатка. Курьер вроде Артура Бэрри.

⁵ Под «опасным сословием» подразумевались низшие социальные слои.

Они пару раз встречались. Артур подрабатывал в ресторане на доставке кофе с сэндвичами и иногда приносил заказы Джеку, чья квартира теперь по совместительству служила нитроглицериновым цехом.

– Сынок, – однажды обратился он к Артуру (шел 1910 год), – не хочешь заработать пять лишних долларов?

То есть почти пятьдесят в сегодняшних деньгах. Джек объяснил, что надо доставить посылку. Всего-то работы – сесть на поезд и отвезти ее в Нью-Хейвен. И вручил новому работнику чемодан.

– Только не урони, – предостерег он. – Вообще-то, лучше бы и не трясти. И постарайся не задеть им кого-нибудь.

Родной город Артура – Вустер, в пятидесяти милях к западу от Бостона – был одним из главных промышленных центров Новой Англии и вторым по величине в Массачусетсе. Местные жители провозгласили его «Сердцем Массачусетса», поскольку он располагался почти в географическом центре штата. Еще со времен Войны за независимость вустерцы всегда находились в самой гуще событий. В 50-е годы XVIII века в местной школе преподавал юный Джон Адамс, будущий президент, который по приезду в Вустер увидел город, «одержимый политикой» и готовый к скорой борьбе за разрыв с Британией. Именно тут, в Новой Англии, на ступенях одной из церквей впервые публично зачитали Декларацию независимости. В 1854 году, когда арестованного в Бостоне беглого раба хотели экстрадировать обратно на Юг, около тысячи человек из Вустера и окрестностей собрались на акцию протеста, и это событие послужило мощным толчком к развитию аболиционистского движения. Благодаря прорыву канала от Вустера к океану и железной дороге до Бостона город к середине XIX века стал одним из лидеров промышленной революции в Новой Англии. На момент рождения Артура тут проживало около 100 тысяч человек, а уже через десяток лет эта цифра выросла почти в полтора раза.

Центр города лежал в извилистой долине, но новые районы стали распространяться по склонам окружающих ее холмов, подобно неотвратимому приливу, надвигающемуся на берег. Новые жители города представляли собой настоящий винегрет из национальностей: поляки, шотландцы, немцы и шведы; итальянцы вместе с прочими средиземноморскими эмигрантами; франко-канадцы, решившие перебраться южнее; изгнанники-ирландцы, к числу которых принадлежали Бэрри. Они ехали сюда работать на фабриках. Чего только не выпускали дышащие дымом вустерские литейные заводы, прядильные и кожевенные фабрики – от текстиля и обуви до оружия и вагонов! Огромный завод компании «Уошберн энд Моун» считался ведущим американским производителем проволоки, кабеля и изгородей. «Роял Вустер корсет компани» прославилась как один из крупнейших в стране работодателей для женщин. Большинство приезжих ирландцев не имели профессиональных навыков и – как пишет историк Тимоти Мехер в материале об ирландцах в Вустере – гнули хребет «на худших работах», предоставляя мускульную силу, необходимую местным заводам для безостановочного функционирования.

Томас Бэрри, отец Артура, появился на свет в Корке в конце 1850-х. Его родители умерли, когда ему не было и десяти, и он, еще совсем мальчишкой, эмигрировал в Америку. Томас жил в Вустере, где работал водопроводчиком, и осенью 1880 года, когда ему исполнилось двадцать три, женился на двадцатилетней служанке-ирландке Бриджет Уолш. Сохранилась сделанная примерно в то время их студийная фотография. Томас – квадратный подбородок и усы как у моржа – явно чувствует себя не в своей тарелке, сидя в праздничном костюме и глядя в камеру, словно перед ним – незваный гость. Куда более раскованная Бриджет, чьи темные волосы убраны назад и заколоты, открывая тонкие черты лица, в ниспадающем свободном платье с оборками на воротнике и с манжетами непринужденно стоит рядом, ободряюще положив руку на правое плечо мужа.

К 1890 году у семейства Бэрри было уже четверо детей. Они жили в восточной части города, в Вернон-Хилл на Уорд-стрит, 81, – «бедном, непримечательном районе», как позднее напишет о нем автор статьи в нью-йоркской «Дейли Ньюс», цитируя Артура. Томас на тот момент трудился на пивоваренном заводе «Боулер бразерс», известном марками «Матчлесс портер» и «Экстра Сенека лагер». Родившийся 10 декабря 1896 года Артур стал шестым из девяти выживших детей в семье (еще четверо умерли в младенчестве).

По воскресеньям Бэрри посещали храм Пресвятого Сердца, крупную церковь на Кембридж-стрит с впечатляющим арочным витражным окном на фасаде из красного кирпича с белокаменной отделкой. Когда Артур немного подрос, он стал прислуживать в алтаре – наливал вино в чаши для причастия, а затем надевал белый накрахмаленный стихарь поверх черного подрясника, чтобы помогать святому отцу служить мессу. В его задачи, вспоминал он, входило звенеть «благозвучным колокольчиком» перед началом каждого этапа причастия. Позднее он начал петь в хоре. Отец с матерью какое-то время надеялись, что он пойдет в священники. Юных вустерских католиков, которых привлекала подобная жизненная стезя, было столько, что у местной епархии попросту не хватало приходов на всех желающих. Но Артур в их число не входил. «Мне эта идея как-то не глянулась», – сформулировал он.

Его первым учебным заведением была школа № 4 на Миллбери-стрит в пяти минутах ходьбы от дома – кирпичная, с шиферной крышей громада, на чьем фоне юные воспитанники выглядели совсем крошечными. Она открылась всего за пару лет до того, как Артур стал ее учеником, и предназначалась специально для детей местных рабочих.

Где-то ближе к 1905 году Томас Бэрри перешел в другую компанию. «Вустер брюинг корпорейшн» была меньше предыдущей пивоварни, но зато его там вскоре повысили до мастера и он перевез семью в новостройку за углом. Здание на Перри-авеню было одной из многочисленных вустерских трехэтажек, крупных зданий с деревянным каркасом, характерных для промышленных городов Новой Англии тех лет, и клан Бэрри поселился там в одной из квартир, занимавшей все три этажа. В Вустере подобные дома строились на узких участках, но они довольно глубоко вдавались в обратную от улицы сторону, поэтому жилая площадь на каждом этаже была достаточно велика. Эти дома ряд за рядом выстраивались на склоне холма, формой напоминая коробки из-под обуви и, в сочетании с облезающей краской, отнюдь не радовали глаз. Заботясь об имидже города, вустерская торговая палата в итоге откажется от их дальнейшего строительства, заклеив эти кварталы как «архитектурное уродство» и «пятно на любом ландшафте».

Однако в начале XX века Вернон-Хилл считался неплохим местом для семей с детьми, как вспоминал драматург, киносценарист и журналист Самюэль Берман, ровесник Артура, выросший в такой же трехэтажке в полумиле от дома Бэрри. Кроме твоей семьи, в доме живут еще две, вокруг – полно детей, и товарищи по играм находятся без труда. На задних дворах ты мог рвать растущие там яблоки, груши и вишни. На каждом ярусе, спереди и сзади, имелись балконы, жильцы называли их «пьяццами». «Замкнутые люди, склонные к созерцательности, сживали на задних пьяццах, разглядывая деревья, – писал Берман. – А общительные, любящие городскую жизнь, предпочитали передние пьяццы, откуда хорошо наблюдалось за происходящим на улице». Артур, несомненно, выбирал передний балкон.

«Мы жили прекрасной, дружной семьей», – вспоминал Артур. В вопросах дисциплины родители были «строги, но справедливы». Зарплату отец получал «невысокую, но адекватную». Он попивал – «умеренный алкоголик», как выразился Артур. Конфликты порой случались, но «не выходили за рамки обычного». Из семейных правил крепче всего ему запомнился запрет на ложь. «Мы знали, что если соврать, нас накажут гораздо строже, чем если сказать правду, в чем бы она ни заключалась», – рассказывал Артур в одном из интервью. И заявил, что ни единого разу не соврал родителям.

Это, разумеется, была ложь.

* * *

Неизвестно, на каком по счету чемодане Артур понял, что возит взрывчатку – причем такую, которая может сдетонировать от любого чиха. И он, по его словам, «наслаждался этой интригой», при том что с самого начала чувствовал, что «дело незаконное». Джек стал посылать его в более удаленные места – в Бостон, в штат Нью-Йорк (Олбани, Сиракьюс и Рочестер) и даже еще дальше, в Кливленд. «Это была роскошная жизнь», – вспоминал Артур. В дни доставок родители считали, что он в школе. Если поездка предполагала ночевку в поезде, он врал, что останется спать у друга.

Артур порой попадался на мелких правонарушениях. В сентябре 1910 года – примерно в начале его курьерской работы у Джека, за три месяца до четырнадцатилетия, – его схватили двое патрульных за битье уличных фонарей: развлекался, – согласно их формулировке, – нанося ущерб освещению. Его обвинили в вандализме, оштрафовали на три доллара и послали в «Вустер Дейли Телеграм». Через пару недель он выплатил еще три доллара за стрельбу из оружия. Что это было за оружие, где он его взял и куда именно стрелял – остается тайной. В апреле 1912 года его снова обвинили в стрельбе, и на этот раз, ввиду повторного правонарушения, штраф вырос до семи долларов. Вустерская полиция считала его «весьма трудным подростком».

Вспоминая, что привело его в столь юном возрасте на криминальную стезю, Артур будет объяснять свое «падение» – как он это называл – тем, что вырос раньше сверстников. Он был крупнее одноклассников и приятелей на улице и выглядел старше на несколько лет. И потому предпочитал компанию великовозрастных подростков и взрослых. В семь он уже попивал пиво и вино, а в пятнадцать начал курить. В шестнадцать увлекся – «сверх меры», по его собственному признанию – игрой в кости и картами. Работая на Лоуэлла Джека, он то и дело сталкивался с разными темными личностями. А в ирландских анклавах, по словам Тимоти Мехера, «преступность цвела пышным цветом», и Вернон-Хилл не был исключением. В 1890-е годы, дабы удовлетворить «настоятельный спрос... на усиленную полицейскую охрану», как сказано в книге по истории вустерской полиции, местным правоохранителям, в дополнение к имеющимся девяноста патрульным, пришлось привлечь тридцать новых полицейских. Примыкавший к Вернон-Хиллу Юнион-Хилл был синонимом, как писал историк Уильям Мейер, бедности, анархии, потасовок и молодежных банд, а газета «Вустер Спай» заклеила тамошние закоулки, назвав их «углами, за которыми притаились грязь и порок».

В том же году Артур наблюдал за одной парой средних лет, владельцами скобяной лавки, составляя в уме их распорядок дня. Каждый вечер они запирали лавку, а выручку уносили домой. На следующее утро, после открытия банка, они клали деньги на счет. Днем, когда они уходили, Артур несколько раз забирался в дом через незапертое окно. В поисках тайника, где ночью хранились деньги, он бродил из комнаты в комнату, по ходу дела запоминая планировку. Выдвинув один из ящиков стола, он вдруг почуял еле слышный запах бумажных денег, помнявших много рук. Ночью он вернулся через то же окно, вынул из ящика пачку банкнот и выскользнул тем же путем. Его улов составил около сотни долларов, для подростка – огромная сумма. Сегодняшние три тысячи. Жаркое из индейки стоило в ресторане тридцать пять центов, а приличные часы обошлись бы долларов в пять, даже меньше. «Жаль, я уже не помню, – будет открыто удивляться он годы спустя, – как мне хватило наглости забраться в чужой дом и взять деньги».

Терпеливо проведенная подготовка себя окупила. К тому же после того как повозишь туда-сюда взрывчатку, которая может в любой момент разнести тебя на кусочки, подобное проникновение – даже при хозяевах – кажется пустяком. Артур не сомневался, что, проснись хозяева от какого-нибудь нечаянного шума, ему все равно удалось бы уйти. «Преимущество

было на моей стороне, – объяснял он, вспоминая ту ночь. – Ведь я-то настороже, а они – спроне. Я не хуже их знал в доме каждую дверь. Пока они собирались бы с мыслями, я бы уже пробежал полквартиры».

Первая квартирная кража увенчалась успехом. Дело было столь тщательно и аккуратно спланировано, восторгалась «Дейли Ньюс» десятилетия спустя, «словно преступник готовил похищение драгоценностей британской короны».

Увидев, что им не под силу контролировать сына или держать его подальше от неприятностей, родители пошли на решительный шаг. Летом 1913 года они обратились в суд, и Артура признали «неподдающимся» в соответствии с законом Массачусетса, который разрешал суду принимать меры для помощи родителям, если те не в состоянии справиться со своевольным, распущенным подростком. Это был вежливый способ причислить Артура к малолетним преступникам. Его могли направить в исправительное заведение, но отпустить с испытательным сроком, обязав вести себя как полагается и оставаться на попечении отца с матерью.

Артур проигнорировал это мягкое решение. Через пару недель в полицию обратилась крайне взбудораженная Бриджет Бэрри: Артур заперся изнутри и не выпускает ее в дом. Отправили патрульного арестовать его за нарушение условий испытательного срока. Артур затеял драку, попытался убежать, и его заковали в наручники. При досмотре в карманах обнаружили несколько пачек сигарет, украденных той ночью из табачной лавки. История с потасовкой и арестом попала на первую полосу «Вустер Ивнинг Газет». Ему вместе с двумя юными подельниками предъявили обвинение за взлом лавки и кражу. Дело передали в суд для несовершеннолетних, но местные газеты, похоже, так и не сообщили, чем все закончилось.

В июне 1914 года Артур не явился к вустерскому судье, который должен был рассматривать очередное дело о незаконном проникновении в помещение.

Трудный подросток нашел свое призвание.

* * *

Отправляя Артура в очередную доставку, Лоуэлл Джек отвел его в сторону. Подросток, который перестал слушаться родителей, запомнит тот совет на всю жизнь – совет жулика жулику.

– Всегда будь вежлив, мой мальчик, особенно с полицией, – сказал Джек своему протеже. – Веди себя как джентльмен и будь искренним. Это избавит тебя от массы неудобств, а то и от пары лишних ходок за решетку.

Артур станет вором-джентльменом. Но пройдут годы, прежде чем он проникнется советом Джека и научится вести себя с полицией. Научится держаться подальше от тюрьмы.

Глава 2. «Профессионал»

Массачусетс и Коннектикут. 1914–1917

Артур пулей вылетел с сортировочной станции и понесся к перекрестку. Пустынные улицы окутал густой предрассветный туман, мешающий понять, удалось ли ему оторваться от полицейской погони. Дело было в Питтсфилде, массачусетском городке с тридцатью тысячами жителей, приютившемся среди гор Беркшир-Хилс неподалеку от границы со штатом Нью-Йорк. До Вустера оттуда – сотня миль.

Тем августовским утром 1914 года он возвращался домой из Кливленда после доставки очередной порции нитроглицерина от Лоуэлла Джека. Денег на билет не хватило, и он решил ехать между почтовыми вагонами. В Питтсфилде поезд железной дороги Бостон – Олбани остановился погрузить почту, Артур спрыгнул со сцепки, чтобы размять ноги. И тут он услышал крики.

К нему бежали полицейский и работник станции. Артур ринулся прочь, зигзагами лавируя между вагонами. Выскочив на прилегающую к станции улицу, он остановился на перекрестке, переводя дыхание. На противоположном углу из тумана материализовался еще один полицейский. Артур развернулся и вновь бросился наутек, а патрульный Джон Салливан вынул револьвер и дал предупреждающий выстрел в воздух.

Артур продолжал мчаться, сворачивая на боковые улицы, ныряя в темные переулки. Стараясь удержаться на ногах, он перемахнул через кучу угля Электрической компании Питтсфилда, свернул в очередной переулок и оказался лицом к лицу с полицейским по имени Джон О'Коннор, который примкнул к погоне, услышав выстрелы.

Подтянувшись на ограде, Артур, сопровождаемый двумя предупреждающими выстрелами, спрыгнул в чей-то задний двор, где его и настиг Салливан.

– Следующий выстрел получишь ты, – предостерег полицейский, направив револьвер Артуру в грудь.

Весь взмокший, задыхающийся Артур сдался.

Салливан с О'Коннором отконвоировали его в отделение – оно было совсем рядом, в дряхлеющем мрачном здании с решетками на окнах изнутри, форма окон делала здание похожим на темницу. Он несколько часов просидел на лавке в ожидании еще одного полицейского, занятого расследованием ночной кражи в магазинчике одежды возле станции. Артур подходил под описание человека, которого видели убегающим с места преступления. Значит, его под дулом пистолета арестовали не за то, что он ехал между почтовыми вагонами. Его подозревали в краже со взломом.

* * *

Менее чем за час до тех событий, примерно в четыре утра, патрульный Чарльз Бэрри, обходя свой участок, приметил чью-то фигуру на лестнице, приставленной к задней стене аптечного магазина Брауна. Мужчина пытался открыть окно на верхнем этаже. Патрульный осторожно направился к нему, но нечаянно наступил на доску. Услышав треск, мужчина спрыгнул с лестницы и нырнул на станцию.

Бэрри подозвал других патрульных и описал подозреваемого. Салливан и О'Коннор приступили к осмотру станции и прилегающих улиц. Сквозь туман Салливан разглядел двух мужчин, один из них нес чемодан. Услышав шаги приближающегося полицейского, они бросились

в разные стороны. Салливан принялся искать их между вагонами и за ближайшими домами. Тут он увидел молодого человека, подходящего под описание взломщика, и ринулся к нему.

Вернувшись на Уэст-стрит, офицер Бэрри обнаружил, что кто-то, разбив окно, проник в магазин «Бостон баргин стор» в паре шагов от того места, где он заметил человека на лестнице. Пропали наручные часы, дорогой костюм и пара туфель общей стоимостью пятьсот сегодняшних долларов. Вор переоделся в украденное, бросив в магазине свой старый костюм с туфлями.

Бэрри вернулся в отделение. Несмотря на темень и туман, он с уверенностью признал в Артуре человека на лестнице. Тот согласился, что на станции был он, но о краже ему ничего не известно. К тому же одет он не в ворованные вещи, да и руки у него пустые. Но, судя по рассказу Салливана, взломщик действовал с сообщником, который по-прежнему оставался на свободе, удрал с чемоданом и добычей. Артуру предъявили обвинение во взломе, незаконном проникновении и похищении имущества.

В тот день, когда немецкие войска вторглись в Бельгию, дав старт активной фазе Первой мировой, а по Панамскому каналу прошел первый корабль, Артура привели на скамью подсудимых в одном из залов суда округа Беркшир, огромного беломраморного здания без архитектурных излишеств, где за стиль и солидность отвечали немногочисленные итальянские завитушки. Свою вину он отрицал. Репортер из местной газеты по внешнему виду семнадцатилетнего Артура дал ему двадцать пять. Когда подсудимого попросили назваться, он представился Фрэнком Дж. Уэлшем из Бостона. Судья окружного суда Чарльз Хиббард отложил слушание дела и дал полиции несколько дней на проверку, нет ли у Уэлша приводов в полицию или судимостей. Чтобы оставить Артура под стражей, он назначил неподъемный залог – пятьсот долларов, или более тринадцати тысяч в сегодняшних ценах.

Это была первая ночь Артура за решеткой – в спартанской камере два на три метра городской тюрьмы Питтсфилда, массивного кирпичного реликта Гражданской войны. В какую бы сторону ни вытянул он руки, пальцы касались стены. Суда ему пришлось ждать десять дней.

Связавшись с бостонскими властями, питтсфилдские полицейские узнали, что никакого Фрэнка Дж. Уолша не существует. И Артуру пришлось назвать свое подлинное имя и домашний адрес. Также он сознался, что вустерский суд счел его «неподдающимся».

Хотя его поймали на лжи, Артур продолжал настаивать на своей невинности. Да и дело было слабым. Украденные часы нашли на одной из улиц, по которым он бежал от полицейских, но как доказать, что это он их выбросил? Его слово против показаний полицейского под присягой.

Бэрри был убежден, что на лестнице стоял именно Артур, и судья Хиббард счел его слова достаточным основанием для признания Артура виновным в попытке взлома и незаконного проникновения. Описывая Артура, просящего судью о снисхождении, один журналист – вероятно, тот же, который ошибся насчет его возраста, – отметил, что подсудимый «благовиден» и «опрятно одет», – и в этом образе уже проступает тот франт, который в свое время будет водить за нос миллионеров и особ королевских кровей. Судья, однако, ответил, что попытки Артура ввести следователей в заблуждение исключают возможность смягчения приговора. К тому же юноша, по всей видимости, утратил поддержку родных. Отца, мол, известили об аресте сына, но он так и не объявился. Артур принялся объяснять, что у отца плохо со здоровьем, что он «искалечен ревматизмом» и не в состоянии ехать в питтсфилдский суд.

Судья назначил максимальное наказание – пять лет в реформатории Массачусетса. Тот суровый приговор, как напишет питтсфлдская газета «Беркшир Игл» пару десятилетий спустя, «ознаменовал собой окончание его любительских занятий и дебют в качестве профессионала».

Артур на суде сказал правду. Магазин ограбили еще до того, как его поезд остановился в Питтсфилде. Один из самых выдающихся в истории воров прославится благодаря именно таким преступлениям, но вот конкретно этого преступления он не совершал.

* * *

В реформаторий Артура доставили в наручниках. Массивное здание в городке Конкорд, в двадцати милях к западу от Бостона, выглядело так, словно архитектор пытался скрестить армейские бараки с часовней. Восьмигранная, увенчанная башней центральная ротонда нависала над распростертыми крыльями здания с высокими окнами и камерами внутри. Оформление вновь прибывших проходило с эффективностью заводского конвейера. Сначала Артура взвесили, замерили рост, затем он подписал разрешение администрации вскрывать личную почту и выложил все деньги, которые вернут при освобождении. Волосы ему коротко остригли – «безжалостно обкорнали», как выразился один бывший арестант. Когда он переоделся в тюремную робу, его сфотографировали в профиль и анфас, замерили окружность головы, длину среднего пальца, левой ступни и прочих частей тела, включенных в систему бертильонажа⁶, чтобы его могли идентифицировать, если он повторно нарушит закон. Весьма вероятно, что отпечатки пальцев тоже сняли, поскольку дактилоскопию уже успели провозгласить идентификационной системой будущего. Камера с кирпичными стенами и стальной решеткой-дверью с трудом вмещала кровать, умывальник, туалетное ведро и маленький столик со стулом.

«Конкорду» – как обычно называли реформаторий Массачусетса – на тот момент было почти сорок лет, его создали как альтернативу государственным тюрьмам – исправительное учреждение для несовершеннолетних, для осужденных за мелкие правонарушения и для отбывающих наказание впервые. «Всегда следует иметь в виду коррекцию непослушания параллельно с образованием, адаптированным под особые нужды и способности юношей, – писала о “Конкорде” одна бостонская газета тех времен. – Их поместили туда не столько ради наказания, сколько ради обучения». Они оказались там, как объяснил один судья по делам несовершеннолетних, который отправил в «Конкорд» свою порцию арестантов, поскольку «с ними не справились ни семья, ни школа, ни церковь». Реформаторий считался последним шансом уберечь непокорных подростков от преступной стези.

Артур привык к тамошнему режиму работы профессиональных курсов и учебы. По будням в полседьмого утра его будил раздражающий звук «постылого звонка», по выражению того же бывшего арестанта. В мастерских реформатория изготавливали обувь, одежду, мебель для больниц и других государственных заведений. Там можно было выучиться хоть на гравера или печатника, хоть на каменщика, плотника или водопроводчика. На огороде выращивали овощи к обеду.

В конце рабочего дня реформаторий превращался в подобие закрытой школы-интерната. Обитатели «Конкорда» посещали вечерние уроки – «аспирантуру», как в шутку называли их местные сотрудники, – чтобы подтянуть свое общее образование. «Поощрялось чтение книг из тюремной библиотеки, чья коллекция насчитывала шесть тысяч томов, в том числе духоподъемные произведения о людях, которым довелось бороться за жизнь и выйти победителями», – отмечал капеллан Роберт Уокер. Приглашенные специалисты читали лекции на самые разные темы – пчеловодство, угледобыча, прогулки по Норвегии, жизнь в далекой Сибири. Десятки заключенных примыкали к кружкам, которые собирались дважды в месяц для обсуждения столь серьезных материй, как этика, литература, трезвый образ жизни. Подопечные совместно с персоналом выпускали еженедельную газету на шестнадцати страницах, где публиковались стихи и проза заключенных, а также колонка «Новости внешнего мира». Спортивные и военные секции развивали физическую форму и воспитывали дисциплину.

⁶ Система учета и идентификации преступников по их антропометрическим данным; получила название по имени ее изобретателя – французского юриста и изобретателя Альфонса Бертильона. Применялась в криминалистике, вытеснена дактилоскопией.

Но под поверхностью проглядывала темная, суровая реальность. Некоторые узники «Конкорда» исправлению не поддавались, «гордились своими криминальными наклонностями» – по словам одного из местных законодателей – и «при любой возможности развращали других». Кроме Артура, там содержалось около семисот человек в возрасте от пятнадцати до тридцати шести. Большинство из них, как и он, сидели за кражу или незаконное проникновение, но некоторые получили сроки за разбой, грабеж, изнасилование или поджог, и никаких мер, чтобы организовать содержание юных и восприимчивых отдельно от искушенных и неисправимых, не принималось.

Один политик, приехавший ознакомиться с жизнью «Конкорда», пришел в ярость, обнаружив «мальчишку в коротких штанишках в компании закоренелых бандитов». И из-за этого ядра матерых преступников все усилия по реабилитации, которой добивались в мастерских и классных комнатах, зачастую шли насмарку. По мнению газеты «Фитчбург сентинел», реформаторий был не более чем «школой криминального образования». Рецидивисты, представившие перед судом за новые преступления, нередко оказывались – как называла их пресса – «выпускниками Конкорда». Один подросток поведал судье, что заключенные посвящают «досуг планированию преступлений, которые предстоит совершить на воле». Если Артур уже тогда собирался совершенствоваться на поприще краж и проникновений в дома, то недостатка в учителях «Конкорд» не испытывал.

* * *

В марте 1915 года, отсидев семь месяцев, Артур получил право претендовать на условно-досрочное освобождение. Арестанта могли выпустить раньше срока, если он хорошо себя вел, следовал правилам, осваивал то или иное ремесло и повышал уровень образования. Артура вызвали на собеседование. Администрация изучила историю его работы и поведения, проверила в том числе, брал ли он книги в библиотеке и посещал ли воскресные богослужения. Комиссия обычно отказывала тем, у кого нет работы, жилья и близких, которые будут за ними приглядывать. «Если вышедший из тюрьмы сразу не найдет работу, – предостерегал в “Бостон Глоуб” член одной из таких комиссий, – он будет открыт искушениям преступного мира».

Родители навещали Артура в «Конкорде», он убедил их в своей непричастности к питтсфилдским кражам, и они подтвердили, что сын может жить у них. Один из братьев согласился взять его к себе в фирму по продаже спиртного на канцелярскую работу. Несмотря на периодические неприятности с полицией и тюремный срок, Артур как-то умудрился получить школьный аттестат. Освобождение было гарантировано.

Он оставался на воле полтора года. За это время он столкнулся с полицией лишь однажды – в 1915 году его оштрафовали на десять долларов за пребывание пьяным в общественном месте. На полосы местных газет он вернулся той же осенью после дорожного происшествия. Одного водителя поздно вечером ослепил свет фар едущего навстречу автомобиля, и он резко свернул – а там шли Артур с девушкой. Он засунул их в машину и помчался к врачу. Артур и его спутница отделались массой ушибов и синяков, обошлось без переломов.

Вновь его арестовали в сентябре 1916 года, вменив нарушение условий досрочного освобождения. Что именно случилось – пресса не сообщила. Артура отправили назад в «Конкорд», где ему предстояло досиживать свой пятилетний срок. Тогда он стоял на пороге двадцатилетия. Срок должен был закончиться в начале 1921 года – ему уже исполнилось бы двадцать четыре.

Но бушевавшая в Европе война, похоже, сулила ему билет на свободу. В 1916 году от всех обитателей «Конкорда» требовалось пройти военную подготовку – вероятно, на случай если Штаты вступят в войну. «Мы не пытаемся сделать из них солдат, – объяснял капеллан Уокер, – наша цель – показать пример физической, умственной, моральной мужественности». Капеллана впечатлил «дух патриотизма» среди заключенных. «Они услышали призыв к моло-

дежи встать на защиту человечества, – отметил он, – и теперь с нетерпением ожидают возможности откликнуться на него, когда выйдут из тюрьмы – на фронте или на производстве, в зависимости от ситуации».

Когда в апреле 1917 года Америка объявила войну Германии, Артур оказался в числе тех «примеров мужественности», которым не терпелось внести свою лепту. В июне 17-го, через девять месяцев после возвращения в реформаторий, его снова условно-досрочно выпустили. Он пошел работать на один из заводов компании «Ремингтон армз – юнион металик картридж компани» в Бриджпорте, Коннектикут, которая считалась одним из крупнейших в стране производителей винтовок, пистолетов, боеприпасов, штыков и снабжала своей продукцией армию США, а также Британию, Россию и других союзников. Его поставили в кузнечный цех, где ковочные молоты придавали раскаленным болванкам нужную форму. Один журналист, посетивший завод тем летом, отметил, что рабочие, похоже, вовсе не замечают «невыносимой жары» от печей и расплавленного металла.

Артур занимался здесь контролем качества. Бракованное оружие или боеприпас могут покалечить или даже убить того, кто ими пользуется, и поэтому на службе в компании состояло несколько сотен контролеров. Этот огромный комплекс общей производственной площадью свыше девяносто тысяч квадратных метров, где работало двадцать тысяч человек, в 1917 году ежедневно выпускал пять тысяч винтовок для русской армии плюс несколько миллионов патронов. Чтобы снизить риск забастовок, которые прерывают производственный процесс, и удержать работников, компания щедро оплачивала их труд и установила восьмичасовой рабочий день, а против саботажа применялись жесткие меры безопасности. Охранники стояли на своих постах, и Артур на входе и выходе должен был всякий раз предъявлять карточку с номером.

Явившись 5 июня в призывную комиссию, Артур в регистрационной форме написал, что помогает матери и отцу-инвалиду. Кроме того, он заявил, что родился в 1894 году – то есть ему не двадцать, а двадцать два. Если бы он назвал свои «истинные биографические данные, включая возраст», позднее объяснил он, то раскрылось бы его криминальное массачусетское прошлое. Дело в том, что если человек обвинялся в мелких правонарушениях, то его еще могли зачислить на военную службу, но если он сидел в тюрьме за кражу со взломом и прочие тяжкие преступления, то он мобилизации не подлежал. А Артур во что бы то ни стало хотел как можно скорее попасть на фронт.

Глава 3. Санитар

Северная Каролина и Франция. 1917–1918

Впередсмотрящий что-то заметил. А вдруг перископ? Американский корабль «Принцесса Матоака» два дня назад прошел к северу от Азорских островов, и чем ближе он подходил к французскому побережью, тем выше был риск наткнуться на немецкую подводную лодку.

Включился сигнал тревоги. Экипаж ринулся к четырем батареям – пушки были вмонтированы в палубу бывшего пассажирского лайнера. Орудия загрохотали, извергая дым, и к неизвестному объекту полетела порция шестидюймовых снарядов. Взрывы взметнули в небо высокие водяные столбы.

В тот раз, 20 мая 1918 года, Артур Бэрри впервые попал в самую гущу боевых событий в качестве рядового армии США. Вместе с ним на борту «Принцессы Матоаки» теснились четыре тысячи солдат, державшие путь в окопы Западного фронта. Немецкие подлодки и подтолкнули Соединенные Штаты в Великую войну – торпеда с одной из них в 1915-м потопила британский пассажирский турбоход «Лузитания», отправив на дно в том числе сто двадцать пять американцев. Последней каплей стало заявление, сделанное Германией в начале 1917 года, об открытии сезона охоты на корабли США и прочих нейтральных государств. Бэрри, как и любой другой человек на борту, прекрасно понимал, что массивный транспорт для перевозки войск – весьма выгодная цель для притаившихся внизу субмарин. И члены экипажа, и солдаты получили приказ спать в одежде. Прежде чем отправиться в плавание, они прошли обучение по оставлению судна. В случае торпедного удара – прикидывал один из матросов, который позднее и рассказал о том происшествии, – им понадобится пять минут, чтобы очистить корабль, пересадив всех на плоты и спасательные шлюпки.

После пары залпов сотрясавшие палубу пушечные выстрелы прекратились. И лишь тогда обнажилось подлинное лицо противника. Им оказалось покачивающееся на волнах ведро.

* * *

Бэрри зачислили в армию меньше чем через месяц после регистрации. Он отправился в Нью-Йорк, где 12 июля 1917 года прошел оформление в призывном пункте на Таймс-сквер. Он не сообщил родителям, что собирается на войну, и в качестве ближайшего родственника указал старшую сестру Эвелин. Чтобы оценить уровень знаний новобранцев, для них организовали экзамены по самым разным предметам – от грамматики и правописания до арифметики и геометрии, даже по структуре правительства США – плюс целый ряд психологических и квалификационных тестов. По результатам проверки Бэрри распределили санитаром военно-медицинской службы и вместе с тремя десятками других новобранцев направили в базовый госпиталь для обучения. Артур тренировался перемещать раненых на носилках, готовить перевязочные материалы и бинтовать раны. Он сделал прививки длинным шеренгам солдат. Прислушал лекции и сдал анатомию и физиологию.

Его направили в 47-й пехотный полк. Учебной базой полка стал Кэмп-Грин, лагерь, занимавший четыре квадратных мили на окраине Шарлотта⁷, Северная Каролина. Осенью 1917 года, когда туда свезли тысячи солдат из Новой Англии и западных штатов, тамошние дороги и дома еще стояли недостроенные. Самый большой контингент прибыл из родного штата Бэрри.

⁷ Самый крупный город в штате.

Лагерь представлял собой целое море узких продолговатых бараков и конусообразных палаток на деревянных платформах.

Однажды рядовой Бэрри заглянул в фотоателье. На одной из фотографий он элегантно стоит навытяжку, слегка повернувшись, чтобы продемонстрировать белую нарукавную повязку с эмблемой Красного Креста. Воротник украшают медные диски с эмблемой военно-медицинской службы – две змеи, обвившие крылатый жезл. На другом фото он лицом к камере, в мятой полевой форме и обмотках, на голове, с которой он снял пилотку, – копна черных волос, расчесанных на прямой пробор. «Он обладал замечательными качествами, – вспоминал один новобранец из штата Нью-Йорк, который тоже проходил обучение в лагере и потом воевал в Европе, – со всеми был в прекрасных отношениях».

Армейские лагеря, в том числе Кэмп-Грин, обычно организовывались в южных штатах, где мягкий климат позволял круглый год обучать новобранцев под открытым небом. Но зима 1917–1918 годов на юге и юго-востоке выдалась невиданно холодной. Уже в начале октября в Северной Каролине ударил мороз, недобрый предвестник суровой зимы. В декабре термометры однажды показали рекордную для этих мест температуру – почти минус тридцать. В начале 1918-го «усиливавшиеся волны лютого холода, – говорилось в одной из статей по климатологии, – сжали регион ледяной хваткой».

Новобранцы, запертые в палаточном городке Кэмп-Грина, буквально терпели бедствие. На Северную Каролину обрушивались сменяющие друг друга бури. «Сапоги и колеса превращали красноглинистые дороги лагеря в море грязи – она замерзала, оттаивала и снова замерзала, делая жизнь и солдат, и офицеров окончательно невыносимой», – вспоминал младший лейтенант Джеймс Поллард в своей книге об истории 47-го полка. Практические тренировки на воздухе не проводились неделями, скуку скрашивали лишь часы караульной службы, рабочие наряды, классные занятия по штыковому бою и обращению с винтовками и пулеметами. Основную же часть времени Бэрри и его товарищи проводили, дрожа от холода в своих восьмиместных палатках. Растущие вокруг лагеря сосны беспощадно вырубали на дрова. Палатки порой загорались, их обитатели в панике выскакивали на ночной мороз. «У нас не было современной канализационной системы», – писал Поллард. Распространялись инфекции. Однажды им пришлось провести целый месяц на карантине по поводу вспышки спинального менингита.

Монотонность, холод, жесткость правил (забыл побриться – пятидневный наряд на кухне), все это мало-помалу подрывало боевой дух. На борьбу с этой проблемой встала Ассоциация христианской молодежи⁸, чьи волонтеры развлекали солдат – выступали с водевилями, издавали лагерную газету, где освещался ход мобилизационной кампании и прочие темы, интересные «армейцам и оставшимся дома друзьям и родственникам». Когда солдатам стали давать увольнительные для набегов на Шарлотт, выяснилось, что одного из развлечений не хватает. «В городе полно солдат, – написал один из приезжих весной 1918 года в открытке домой, – но спиртное здесь не продают». В штате ввели сухой закон еще десять лет назад.

Полевые занятия возобновились в марте, всего за несколько недель до отправки 47-го полка в Европу в составе 4-й дивизии армии США. За этот короткий срок новобранцам предстояло подготовиться к предстоящим боям, получив навыки окопной войны и стрельбы из винтовки. В конце апреля, после шести месяцев грязи и лишений, Бэрри вместе с однополчанами погрузился в поезд до Нью-Йорка. Еще немного, и война станет для них реальной жизнью.

Парни в хаки тесно набились на палубы элегантной двухтрубной «Принцессы Матоаки», покидавшей утром 11 мая гавань Нью-Йорка. Хмурое и серое – в тон камуфляжной окраске лайнера – небо брызгало дождем. По иронии судьбы солдаты плыли воевать с Германией на

⁸ Young Men's Christian Association (YMCA) – международная волонтерская организация, основанная в Лондоне в 1844 году с целью укрепления физического, интеллектуального и духовного здоровья людей. Штаб-квартира – в Женеве. Действует в 120 странах. Не имеет официальных связей с какими-либо церквями или правительствами.

немецком же судне, захваченном на Филиппинах, когда Штаты вступили в войну. Сейчас на нем находилось четыре тысячи человек, вдвое больше, чем довоенная пассажировместимость.

Корабль с 47-м полком на борту влился в конвой, состоявший из тринадцати транспортов и американского крейсера «Фредерик». После пережитой угрозы торпедной атаки и битвы с ведром нервы у всех были на пределе. Пресную воду выдавали строго ограниченными порциями, а перегруженный работой камбуз мог обеспечивать только два приема пищи в день. Из-за шторма, настигшего «Принцессу Матоаку» в середине пути, многие страдали от морской болезни, и им было не до обеденного расписания. «В жизни не видел столько воды!» – то и дело восклицал один из членов экипажа, салага с пшеничных полей Канзаса.

Рядом с французским побережьем, на финальном, самом опасном участке пути конвой сопровождала группа из девяти противолодочных кораблей союзников. 11 мая пересекая за десять дней Атлантику «Принцесса Матоака» вместе с остальными кораблями причалила в Бресте, портовом городе на западной оконечности Бретани.

Там их ожидали железнодорожные составы, которые помчат полк через север Франции. «Солдатам не терпелось поскорее попасть на фронт и покончить со всем этим», – обнадеживал матрос с «Принцессы Матоаки» своих родных в письме домой. Энтузиазм новичков поутих, стоило им увидеть, как из вагонов Красного Креста выгружают для отправки домой бойцов с чудовищными ранениями – безруких, безногих, ослепших. Они ощутили, какая варварская бойня уготована им впереди.

«Никогда прежде, – писала пенсильванская “Делавэр Каунти Дейли Таймс” незадолго до вступления Штатов в войну, – смертоносные орудия не были столь многочисленными, столь изощренными, столь чудовищными». Бризантные снаряды. Скорострельные пулеметы. Отравляющий газ. Огнеметы. Бомбардировщики и цеппелины с бомбами. Первые тяжелые танки. Шрапнельные снаряды, чья начинка поражала гораздо больше солдат, чем пули, и наносила страшнейшие раны: зазубренный металл, как отметил один военный хирург, «разрывает, вспарывает, раздирает живую ткань». Лесли Басуэлл, американец, добровольно подрывившийся еще в начале войны водить санитарные автомобили Красного Креста, выпустил в 1916 году книгу, где разоблачал «тщетность, полнейшую, дьявольскую безнравственность, бессмысленную кровожадность» войны. Басуэлл описал все без утайки. «В грязи нейтральной полосы, – рассказывал он, – воронки от снарядов усыпаны сотнями искореженных трупов... повсюду кое-как валяются руки, ноги, головы... некоторые тела уже полусгнили, некоторые солдаты лишились жизни совсем недавно, некоторые все еще полуживы, они беспомощно лежат между своими и вражескими расположениями». Жуткая, опасная работа Бэрри состояла в том, чтобы пробираться в этот ад на земле, не обращая внимания на свист пуль и взрывы снарядов, в поисках еще живых.

Санитары принимали участие в любой наступательной операции, они на месте оказывали раненым первую помощь. Повязка Красного Креста – единственное, что выделяло их на поле боя, а в остальном они внешне ничем не отличались от остальных солдат – та же форма, та же каска. При себе у них имелся йод для обработки ран и бинты для остановки кровотечений. Эта первичная обработка была жизненно важна – снижала риск заражения и увеличивала шансы на то, что даже тяжелораненого бойца успеют доставить на санитарном автомобиле в полевой госпиталь на безопасном от линии фронта расстоянии, где его прооперируют и будут лечить. Раненых собирали специальные солдаты с носилками, а если таковых поблизости не оказывалось, то санитары сами пробирались по грязи, неся на себе или волоча пострадавших в безопасное место.

Прежде чем отправить раненого в полевой госпиталь, его состояние оценивали и стабилизировали в батальонном лазарете в разрушенных зданиях или окопных землянках. «Мрачный грот, освещенный двумя фонарями», – так описал один из таких медпунктов корреспондент «Вашингтон Пост» после командировки на американские позиции. Тамошний медик

махнул рукой в сторону грубо сколоченной лавки и двух ящичков, выполнявших роль стульев. «Наш операционный стол», – объяснил он журналисту. В лазарете прививали от столбняка. Накладывали шины на раздробленную конечность. Сортировали раненых, отсеивая тех, кого спасти уже нельзя. Немцам тоже оказывали помощь, но только в том случае, если она не требовалось солдату из войск союзников. «Сначала наши, – обронил носильщик. – Фриц погодит».

Мужество санитаров поразило журналиста из «Бостон Глоуб», делавшего репортажи о войне. «Ринуться вместе со всеми в атаку – это одно, – писал он из Франции. – Но другое дело – спокойно идти под град пуль, чтобы вынести оттуда раненого товарища или прямо на месте сделать ему перевязку». Поскольку от мастерства и проворства санитаров зависели жизнь и смерть, они пользовались огромным уважением. Это «самые популярные люди во взводе или батальоне», – отмечалось в одном из докладов армии США. Их беззлобно, по-дружески прозвали «окопными крысами».

Уровень потерь в медицинских подразделениях ужасал. Санитары и носильщики служили легкой мишенью для вражеских артиллеристов, пулеметчиков и пилотов. Одной из бригад, занятой созданием медпункта рядом с передовой, пришлось несколько часов пролежать лицом в землю, пока вокруг них рвались шрапнельные и газовые снаряды. На другом поле боя снарядом убило двух носильщиков вместе с солдатом, которого они несли. Рядовой Чарльз Холт из Бруклина в ужасе наблюдал, как немецкие бипланы с бреющего полета обстреливают раненых и медиков, пытающихся их спасти. Дать отпор санитары не могли. Им выдавали только оружие для ближнего боя – 38-калиберные автоматические «кольты» и охотничьи ножи. Стрелявшие в медиков могли порой попросту принимать их за бойцов, но в американской прессе это все равно подавалось как доказательство варварства немцев. «Для большинства гуннов, – презрительно высказался один солдат из Коннектикута, – Красный Крест ничего не значит».

* * *

Первое испытание ожидало Бэрри и его товарищей в конце июля. Американцы во главе наступательной операции зашли вглубь занятой немцами французской территории к северу от реки Марны. У деревни Сержи 47-й полк вступил в схватку с 4-м Прусским гвардейским полком, одним из отборнейших подразделений немецкой армии. Под мощным артиллерийским и пулеметным огнем противника американцы пересекли вброд реку и утром 29 июля ворвались в деревню. Контратаковавших гвардейцев удалось оттеснить, но они снова пошли в атаку. Сержи переходила из рук в руки ни много ни мало девять раз. Руины улиц были усеяны телами погибших и раненых.

Сообщалось, что немцы штыками добивали американских солдат, оставшихся лежать на земле в ходе одного из отступлений. Их пулеметчики и снайперы вели огонь по носильщикам, а один из самолетов сбросил бомбу на большую группу раненых. Разъяренные янки вели себя не менее жестоко – во время контратак пленных практически не брали. «Это был сущий ад», – рассказывал командир одного из медицинских подразделений 47-го полка. Из четырнадцати его подчиненных шестерых ранило, а двое погибли. «Медики, и офицеры, и рядовые, – вспоминал Джеймс Поллард, – проявили отвагу, граничащую с безумием, они создавали и обеспечивали работу медпунктов в самой горячей зоне вражеского огня».

Бэрри находился в гуще сражения. Однажды он на четвереньках дополз до бойца, раненого в грудь и в ногу, взвалил его на спину и бегом помчался к американским позициям. Ногу пришлось ампутировать, но боец выжил. Бэрри, которого один из его командиров назвал «солдатом, всегда добровольно выполняющим самые рискованные задачи», с дюжину раз выбирался из окопа, чтобы оказать пострадавшим первую помощь или перетащить их тем или иным способом в безопасное место. Во время очередной вылазки крупный осколок от разорвавшегося рядом снаряда врезался ему в голень. Поскольку кость осталась цела, рана считалась лег-

кой, но ему все равно потребовалось лечение в лазарете, удаленном от огневых позиций. Впечатлившись его «невиданным героизмом в бою», командование представило Бэрри к кресту «За боевые заслуги», второй по значимости армейской награде за отвагу. «Бэрри неоднократно пробирался в зоны, обстреливаемые артиллерией и пулеметами, ради оказания первой помощи раненым, – говорилось в официальном документе, – пренебрегая собственной безопасностью».

Его подлатали, и уже через несколько дней он вернулся в полк, который продолжал давить на отступавших немцев и оттеснил их уже на десять миль от Сержи, к деревне Сен-Тибо. 8 августа 47-й вновь столкнулся лицом к лицу с 4-м Прусским гвардейским полком, но тут на американские позиции обрушился ливень снарядов, начиненных горчичным газом. Бэрри временно лишился зрения, получил серьезные ожоги кожи, а от вдыхания едкого газа – и носоглотки. Его эвакуировали в Немур, городок к югу от Парижа, где ему в нос и рот вставили резиновые трубки. В течение недели, позднее вспоминал он, ему приходилось терпеть ежечасный, весьма болезненный ритуал: сестры промывали волдыри ожогов и накладывали свежие повязки, чтобы предотвратить заражение. В американских газетах его имя появилось в газетных списках боевых потерь под тревожным заголовком: «РАНЕННЫЕ. СТЕПЕНЬ ПОРАЖЕНИЯ НЕИЗВЕСТНА».

Выздоровевшему Бэрри не сиделось на месте. В один прекрасный день он вместе с другим пациентом, сержантом его полка, запрыгнул в поезд до Парижа, а по прибытии они с головой окунулись в ночную жизнь города. Наслаждались пикантными шоу в Фоли-Бержер, прогуливались по Елисейским Полям. Попивали коньяк в кафе на Монпарнасе. Эрнест Хемингуэй, который вскоре начнет писательскую карьеру и будет сидеть в тех же кафе, служил водителем санитарного автомобиля на итальянском фронте, где его однажды – всего за пару недель до ранения Бэрри – изрешетило пулями и снарядными осколками. Это стало поворотным моментом в его жизни. «Если вы идете на войну мальчиком, – как-то написал Хемингуэй, – вы имеете большую иллюзию бессмертия. Других людей убивают, а вас – нет... Потом, когда вы в первый раз получаете тяжелые ранения, вы теряете эту иллюзию и знаете, что это может случиться и с вами». Размах веселья, которому Бэрри предался в Париже, наводит на мысль о том, что он тоже твердо решил выжать из своего второго шанса все, что можно.

Через две недели у друзей кончились деньги, и они на попутках вернулись в госпиталь, где их обвинили в самовольном оставлении места службы. Пока не успели созвать трибунал, Бэрри, никого не спросив, покинул госпиталь во второй раз и отправился на фронт, к себе в полк. Обе эти отлучки сошли ему с рук, а когда он вернулся в полк, никого из командиров это не удивило. Однако парижские развлечения стоили ему креста «За боевые заслуги». Поскольку в день награждения он находился в самоволке, его имя вычеркнули из списка кандидатов на награду. «Ума не приложу, почему же я так его и не получил», – ответил он невозмутимым тоном, когда его спросили о кресте спустя годы.

Той осенью 47-й полк принял участие в Мез-Аргоннском наступлении, массовой операции союзников, призванной положить конец войне. Несмотря на то, что немцы отступали, американцы несли чудовищные потери – погибло более 26 тысяч человек. Полку Бэрри посчастливилось оставаться большей частью в резерве, лишь иногда его подразделения во время затиший перебрасывали на фронт в рамках ротации. Полк стоял лагерем неподалеку от разрушенной деревни Монсек и уже готовился было на следующий день полностью переместиться на фронт, но тут прошел слух о прекращении огня. «Поначалу люди отнеслись к новости с недоверием, – вспоминал историк полка Джеймс Поллард, – но когда 11 ноября появилось официальное сообщение, «они принялись издавать ликующие вопли, как умеют только американцы». Дальний грохот артиллерийских дуэлей стих, уступив место песням и смеху людей, собравшихся вокруг полыхающих костров и благодарных судьбе за то, что остались живы.

Потери полка в ходе войны превысили 2 600 человек, включая 473 убитых на поле боя и умерших от ран или болезней. Из служивших вместе с Бэрри санитаров пятеро погибли, а сам он был в числе двадцати с лишним раненых. 4-я дивизия, в составе которой воевал 47-й полк, поначалу состояла лишь из зеленых новобранцев, писал американский военный корреспондент, но в сражениях они не уступали лучшим.

Для Бэрри война закончилась. Но, как вскоре выяснится, время снимать форму еще не пришло.

Глава 4. Долгая вахта

Германия. 1918–1919

Путь Артура Бэрри в Германию начался 20 ноября 1918 года, неделю с лишним спустя после заключения перемирия. 4-я дивизия шла через покрытые шрамами поля бывших сражений, ночуя в зданиях, которые еще несколько дней назад занимал противник. Изрезанные колеями дороги, усыпанные касками и гранатами на деревянных ручках – солдаты-союзники называли их «толкушками», – все это оставили немцы, спешно покидавшие французскую территорию, которую они удерживали с 1914 года. 3 декабря 47-й пехотный полк добрался до реки Мозель и вошел в Германию. Продвигались солдаты медленно – из-за холмистого рельефа нагорья Айфель, тяжелых рюкзаков и сырого, пронизывающего до костей холода. Пункта назначения, городка Аденау в сорока милях к западу от Кобленца, они достигли 15 декабря, прошагав двести двадцать пять миль – расстояние, как от Нью-Йорка до Вашингтона.

47-й полк стал одним из первых подразделений американской армии, которым приказали оккупировать Рейнланд. Пока в Париже обговаривались условия мирного договора, армии союзников организовали плацдарм внутри западной границы Германии и взяли под контроль три моста через Рейн – в том числе в Кобленце. Четверть миллиона американских солдат встали между британской оккупационной зоной на севере и французскими войсками на юге. Бэрри расквартировали в Дюмпельфельде, деревне на несколько сотен жителей. Война не коснулась Рейнланда, и он оставался сказочной землей с открыточными сельскими ландшафтами, виноградниками, что уступами росли по склонам гор, белобашенными замками на вершинах. «Весьма живописно для усталых глаз», – писал домой один из бойцов 4-й дивизии.

Но Бэрри и другим солдатам, привыкшим к боевому адреналину, их теперешняя задача, которую в прессе называли «Вахтой на Рейне»⁹, казалась смертной тоской. Они обеспечивали порядок в городках и деревнях, следили за дисциплиной среди своих военнослужащих. Охраняли общественные здания. Проверяли документы на пропускных пунктах. Бэрри на лету схватывал немецкий и французский и вскоре свободно изъяснялся на обоих языках.

Чтобы чем-то занять личный состав и поддерживать его в боевой готовности на случай, если перемирие будет нарушено, командование установило режим учебных упражнений, стрельбы по мишеням и спортивных мероприятий. Для поднятия боевого духа солдатам давали отпуска, и те разъезжались развлечься – кто в Лондон, кто в Париж или на юг Франции. Один стосковавшийся по острым ощущениям американский летчик однажды пролетел под низко висящими над водой арками моста через Рейн – просто чтобы проверить, под силу ли ему этот трюк.

Для 4-й дивизии скука усугублялась оторванностью. Большинство американских подразделений дислоцировались в Кобленце и других крупных прирейнских центрах, в то время как 4-я была разбросана по площади около восьмисот квадратных миль в малонаселенной глубинке. Ее прозвали «4-я забытая», или «Невезучая 4-я». «Война – это ад, но мир, по-моему, еще хуже, – жаловался один из солдат дивизии, служивший в военной полиции. – Лучше бы мы несли вахту у американской речки где-нибудь на Миссисипи».

Солдатам строго запретили вступать в какие-либо отношения с местными жителями, кроме деловых, но соблюдать эти правила в полной мере было невозможно, поскольку многих разместили в домах немецких семей. Подобные ограничения превращали повседневную

⁹ Во время Второй мировой гитлеровцы дадут это же название операции по уничтожению союзных войск в Европе.

жизнь в бюрократический кошмар. «Купить кружку пива – можно, – с облегчением обнаружил один американский журналист, – а вот дать на чай официантке – уже “отношения”». «Если ты в форме армии США, тебе нельзя даже заговорить с немцем или немкой, не говоря уже об иных контактах», – вспоминал публицист Джордж Селдис, писавший в то время репортажи из Рейнланда. Истинная цель состояла в том, чтобы сдерживать солдат, которые были отнюдь не прочь – по деликатному выражению Селдиса – «прогуляться с белокурой фрейлейн». Но даже эти запреты не могли отвадить их от юных немок, предлагавших себя за шоколадку или кусок мыла.

Но пиво и секс не то, чего больше всего хотелось Бэрри и его товарищам по «Вахте». Главной их мечтой было вернуться домой. В начале 1919-го американских солдат, по триста тысяч в месяц, стали погружать на транспортные корабли для отправки на родину, включая подразделения призывников, ни разу не побывавших в бою, – их привезли во Францию гораздо позже, чем полк Бэрри. «Мужчины в боевой форме, не сделавшие ни единого выстрела», – презрительно фыркал Селдис, вторя гневу людей, вынужденных, изнывая от безделья, торчать в Германии. Но союзному командованию было необходимо поддерживать военное присутствие на Рейне как средство давления на Германию, чтобы заставить ее подписать договор и официально завершить войну. «По мере демобилизации вооруженных сил, – отмечала историк Маргарет Макмиллан, – их власть уменьшалась».

Боевой дух американцев рухнул ниже плинтуса. Журналиста Эдвина Джеймса неприятно поразило «растущее недовольство» в рядах оккупационной армии. «Теперь, когда Германия разгромлена, – сообщал он из Кобленца, – подавляющее большинство из них в армии оставаться не желает». Генералу Джону Першингу, командующему экспедиционными войсками США, довелось лично услышать ропот американцев в Германии. Генерал инспектировал подразделения в середине марта, и в каждом пункте остановки, прежде чем он успевал открыть рот для духоподъемной речи перед марширующими мимо его трибуны солдатами, оттуда неизменно доносились выкрики: «Когда нас уже отправят домой?!» Но Першинг не стал вселять в них ложные надежды. «Некоторым, – предупредил он, – возможно, придется служить в Германии и на будущий год».

Невезучая «Забытая 4-я» стояла, естественно, последней в списке инспектируемых подразделений. Солдатам из самых удаленных ее частей пришлось шагать три дня, чтобы преодолеть сорок миль, отделяющих их от парадной площадки неподалеку от городка Кохем на берегу Мозеля. В ближайшем леске они поставили палатки, которые всю ночь засыпало снегом и продувала буря. В темноте ярко горели огромные костры, разведенные для защиты от холода. Утром 18 марта свыше десяти тысяч человек в полном боевом снаряжении собрались на поле среди заснеженных гор. Бойцы 47-го пехотного заняли свои места одними из первых и простояли там пять часов под беспощадным натиском пронизывающего ветра. К тому моменту, когда Першинг в два часа дня наконец приехал, было уже немного теплее от выглянувшего из-за туч солнца.

Полк промаршировал строем мимо генерала, и тот, высоко оценив «превосходную выправку», поблагодарил бойцов за службу родине. Он выразил уверенность в их «способностях и готовности выполнять поставленные задачи... ради установления мира». Повторяя, скорее всего, слова, сказанные на всех предыдущих смотрах, генерал наказал им «сохранить свою безукоризненную солдатскую репутацию и в гражданской жизни». На сей раз он не услышал ни выкриков, ни вопросов, когда их отправят домой. Вместо этого мужчины, простоявшие, дрожа на морозе, несколько часов, сняли каски перед своим командиром в знак уважения. «Они продемонстрировали воплощенное мужество», – поведал читателям Селдис.

Но вот поступил долгожданный приказ, и в конце мая 1919-го 4-й дивизии предстояло выйти в море. «Всех охватило лихорадочное возбуждение, – писал историк 47-го полка Джеймс Поллард, – в предвкушении дня, которого они столько времени ждали».

тились, но не успели солдаты сдать оружие, как их надежды рухнули. В то время возникли опасения, что германское правительство отвергнет мирный договор, который – кроме прочих унижительных условий – требовал выплаты репараций победителям. Союзникам потребовались инструменты для давления.

4-ю вновь вооружили в рамках очередного усиления военного присутствия. Планировалось полномасштабное вторжение в Германию с последующим броском до Берлина. Французский премьер Жорж Клемансо пообещал нанести «решительный и неумолимый военный удар», чтобы «форсировать подписание договора». Угроза сработала, и 28 июня в Версальском дворце германская делегация подписала пакт. 4-ю дивизию наконец отпустили домой.

Вечером 28 июля солдаты 47-го полка набились на палубы корабля «Мобайл», им не терпелось, войдя в Нью-Йоркскую гавань, увидеть небо над Манхэттеном. Но тут на корабле подняли желтый флаг, предупреждающий об инфекции. Один из членов экипажа заразился оспой. Все находящиеся на борту должны были привиться и провести несколько дней на карантине – требовалось убедиться, что других зараженных нет. Эта отсрочка стала последним ударом для людей, предвкушавших, как они оставят армию и вернутся на родину.

Сообщая о том, как полк сошел на берег в Хобокене, Нью-Джерси, «Нью-Йорк Трибьюн» описала его как «самую унылую с виду группу военнослужащих» из тех, что вернулись из Европы после перемирия. На маршах по Пятой авеню первые возвращавшиеся партии солдат приветствовали радостные толпы и летящий по воздуху серпантин. Но Бэрри с товарищами прибыли «под конец исхода из Франции, отмечала далее «Трибьюн», когда солдаты уже перестали привлекать столь широкое общественное внимание. «Все свое ликование по поводу мира, – добавил Джордж Селдис, – американцы потратили на первых прибывших».

Благодаря «честной и верной службе» рядовой Артур Бэрри 1 августа уволился из армии с хорошей аттестацией. На поле боя он проявил себя героем, рискуя жизнью ради спасения товарищей. Он получил ранения. Его личное дело было безупречным – по крайней мере официально. Но до войны он имел проблемы с законом и отсидел срок за решеткой. Он, может, и хотел бы последовать напутствию генерала Першинга «сохранить безукоризненную солдатскую репутацию в гражданской жизни», но, когда Америка на полном ходу ворвалась в «бурные двадцатые», он решил продолжить путь по своей кривой дорожке.

II. Вор с лестницей

Глава 5. «Работник второго этажа»

Манхэттен и округ Уэстчестер. 1919–1922

Первой волне вернувшихся из Франции солдат досталась большая часть не только славы, но и свободных рабочих мест. Осенью 1919-го Артур Бэрри приехал в родной Вустер, но работу найти там не смог. У него не было специальности, зато имелось криминальное прошлое. Новые сотрудники почти никому не требовались ни в промышленности, ни в торговле: после перемирия правительство перестало размещать военные заказы, и десятки тысяч людей лишились работы. К тому же никто в городе не хотел брать ирландских католиков, предпочитая, как выразился один из местных бизнесменов, «хозяйственных, трудолюбивых, квалифицированных, законопослушных» шведов. И Артур отправился попытать счастья в Нью-Йорк, отмахнувшись от возражений и опасений матери. «Сколько раз я умоляла его остаться дома! – вспоминала Бриджет Бэрри. – Думала, служба во Франции утолила его жажду приключений, но какое там».

Времена стояли непростые. Дефицит и спекуляция военных лет привели к росту цен на продукты, одежду и прочие товары первой необходимости. «Жуткая дороговизна жизни, – жаловалась “Нью-Йорк Геральд”, – непосильным, придавливающим бременем легла на американский народ». В сравнении с 1914 годом цены на молоко, сливочное масло и яйца выросли почти вдвое. Арендодатели взвинтили квартплату. В августе 1919 года, когда Артур ушел из армии, не меньше пяти тысяч демобилизованных солдат искали работу в Нью-Йорке, и это число еженедельно увеличивалось на две тысячи. Отчаяние, которое они испытывали, хорошо показано в карикатуре журнала «Лайф», где изображен дядя Сэм, приветствующий возвратившегося с войны солдата. «Для тебя, мой мальчик, мне ничего не жалко. Чего ты хочешь?» «Работу», – отвечает солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.